

Дина Владимировна КОРОЛЬ,
аспирантка кафедры социологии Одесского
национального университета им. И.И.Мечникова

Социальная эволюция. Структура информационного общества: новые основания для социальной дифференциации

Эволюция – развитие одной формы из другой, более сложной и совершенной из простейшей. Понятие эволюции, прилагавшееся первоначально в более узкой области биологии растений и животных, было перенесено из органического мира в неорганический и получило значение всеобъемлющего философского принципа. Под эволюционной теорией разумеется монистическое мировоззрение, признающее, что во всей вселенной совершается великий и единый, неудержимо шествующий вперед процесс преобразования простых форм в более совершенные, которому подчинены все состояния и формы явлений.

История развития человеческого общества характеризуется тремя основными этапами: аграрным, индустриальным, постиндустриальным.

В аграрную эпоху существовали отношения личной зависимости, когда индивид мог развиваться только в рамках ограниченного коллектива, от которого он зависел. Хозяйственная деятельность была связана преимущественно с производством достаточного количества продуктов питания, а лимитирующим фактором обычно была доступность хорошей земли.

В индустриальной экономике хозяйственная деятельность была по преимуществу производством товаров, а лимитирующим фактором – чаще всего капитал. Под влиянием общественного разделения труда развивается всесторонний процесс овеществления производственных отношений. Отчуждение труда характеризует господство продукта труда над деятельностью, вещи – над человеком.

Классовая структура, формирующаяся в этот период, имеет в своей основе отношение к средствам производства. Буржуазия владеет последними, пролетарии – трудом. Таким образом, оба класса взаимозависимы: пролетарии нуждаются в оплате своего труда для материального обеспечения жизнедеятельности, буржуазия – в труде как инструменте для получения прибыли. Мотивация деятельности одинакова – материальные блага. Причем социальная мобильность вполне возможна. Представители высшего класса могут потерять все от неудачных экономических сделок, представители низшего могут подняться по социальной лестнице, воспользовавшись условиями рынка.

Если для хозяйственного механизма аграрного типа ведущим элементом была земля, для индустриального — капитал, то в постиндустриальном лимитирующим фактором становится информация, накопленные знания. В информационной экономике хозяйственная деятельность – это, главным образом,

производство и применение информации с целью сделать все другие формы производства более эффективными и тем самым создать больше материального богатства. Лимитирующий фактор здесь – наличное знание [1, с. 397].

Проблема изменяющейся социальной структуры попала в поле зрения социологов в первые послевоенные годы.

Райт Миллис писал, что в условиях постоянного усложнения социальной организации основную роль играют не имущественные или наследственные качества человека, а занимаемое им место в системе социальных институтов [2, с. 6]. Учитывая то значение, которое авторы теории постиндустриального общества придавали теоретическому знанию как важнейшему фактору социального прогресса, легко объяснить тот факт, что именно обладание информацией и знаниями, навыками и умениями стало одним из оснований причисления человека к доминирующему классу нового общества.

В 1962 году Ф.Махлуп вводит в научный оборот термин «работник интеллектуального труда (knowledge-worker)», подчеркивающий ранее неизвестные черты нового типа работника: ориентированность на оперирование информацией и знаниями; фактическую независимость от факторов собственности на средства производства; высокую мобильность и стремление к деятельности, открывающей поле для самореализации и самовыражения даже в ущерб сиюминутной материальной выгоде. Все больше исследователей приходят в этот период к выводу, что новая роль знания, вызывающая массовое появление подобных работников, не может не привести к радикальным подвижкам в общественной структуре.

Таким образом, уже к началу 1980-х годов стало ясно, что постиндустриальное общество формируется как новый тип классового общества. В данном вопросе большинство западных авторов основывались на подходе М.Вебера, отмечавшего, что главным признаком класса является хозяйственный интерес его представителей, а вопрос о собственности на средства производства является вторичным [3, с. 183]. Принимая подобную точку зрения, нельзя не признать, что не только интересы, но даже системы ценностей новой элиты постиндустриального общества и «неопролетариата» кардинально различны. Более того, в новых условиях позиции низших классов гораздо более уязвимы, так как единственным значимым ресурсом оказывается знание, которое не приобретается в ходе коллективных действий. Фактически единственным эффективным методом повышения благосостояния работников становится «приобретение редких навыков, у которых нет легкодоступных субституттов» [4, с. 33].

Направленные на ликвидацию разительных отличий в возможностях элиты и представителей низших классов новейшие информационные продукты на практике играют абсолютно противоположную роль. Во-первых, они подразумевают определенную культуру пользования, во-вторых, имеют высокую рыночную стоимость. Таким образом, с неотвратимым развитием технического обеспечения информационное непотребление этой группы постоянно возрастает.

Другая «неприятная» для низшего класса особенность новой социальной стратификации состоит в том, что высший класс свободен от зависимости в эксплуатации низшего. Он может продуцировать прибыль из использования информации и знаний, зачастую свободен от наличного капитала. Это еще более увеличивает пропасть между ними и делает неэффективными все известные доселе методы классовой борьбы.

Сегодня можно с высокой степенью уверенности утверждать, что постиндустриальное общество не станет обществом, в котором господствует равенство. Открывая широкие перспективы для самореализации личности, новые тенденции формируют новую социальную элиту из высокообразованных людей, достигающих свои цели посредством умножения знания. По мере того, как наука становится непосредственной производительной силой, роль этого класса усиливается. Его представители обеспечивают производство уникальных благ, которые оказываются залогом процветания общества, и в силу этого в их распоряжение переходит все большая часть общественного достояния. Однако интеллектуальные и креативные способности отличают людей друг от друга гораздо больше, чем их личное материальное богатство; более того, эти способности не могут быть приобретены мгновенно и не подлежат радикальной корреляции. Поэтому новая элита имеет все шансы стать достаточно устойчивой социальной группой, и по мере того, как она будет пополняться наиболее достойными представителями иных слоев общества, потенциал этих слоев будет лишь снижаться. Обратная миграция, вполне возможная в индустриальном обществе, где в периоды кризисов крупный предприниматель мог разориться и вернуться в состав класса мелких хозяйственников, в данном случае почти исключена, ибо однажды приобретенные знания могут совершенствоваться, но практически не могут быть утрачены. И западные исследователи, и отечественные (наиболее интересны работы В.Иноземцева [5], сотрудника российского Центра исследований постиндустриального общества) уверены, что социальная эволюция движется в направлении жестко поляризованной классовой структуры, с новыми социальными конфликтами и неизвестными путями их разрешения.

Литература

1. *Стоунер Т.* Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики // Новая технократическая волна на Западе. — М., 1986.
2. *Mills W.* The Power Elite. — Oxford; N.Y., 1956.
3. *Weber M.* Economy and Society. — L., 1970.
4. *Clement W., Myles J.* Relations of Ruling: Class and Gender in Postindustrial Societies. — Montreal, 1994.
5. *Иноземцев В.Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. — М., 2000.